



АПОСТОЛЬСКОЕ ПРЕДАНИЕ ¹⁾.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Привести въ ясность историческое происхожденіе христіанства, доказать, что христіанское преданіе восходитъ къ самимъ Апостоламъ Іисуса Христа, свидѣтелямъ его жизни и писателямъ Евангелій, и доказать прочность основаній, на которыхъ зиждется почитаемый составъ преданій—такова цѣль этого сочиненія. Хотѣлось бы сдѣлать изслѣдованія эти доступными самымъ простымъ умамъ; къ этому я стремился, хотя и не могу льстить себя надеждою на успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, о подобномъ предметѣ можно говорить только подъ условіемъ—удовлетворять вмѣстѣ и требованіямъ науки. Сколько то возможно было, я входилъ въ подробности и дѣлалъ необходимыя указанія на источники, отнесъ впрочемъ то и другое въ примѣчанія. Мнѣ кажется, что я не уклонился ни отъ какой трудности, и не подчинилъ объясненія фактовъ заранѣе предвзятымъ мнѣніямъ. Допускаю, что многое еще не совсемъ ясно, но я убѣжденъ, что вѣра христіанская, такъ какъ въ символѣ исповѣдуютъ ее все въ мірѣ вѣрующія христіанскія церкви, есть вѣра первой церкви и первыхъ учениковъ Христовыхъ. Объ единственномъ, но важномъ пробѣлѣ я сожалею. Говоря о составленіи четырехъ Евангелій, я долженъ былъ ограничиться указаніемъ на ихъ время и ихъ мѣсто въ исторіи первыхъ двухъ вѣковъ. Подтвержденіе этого положенія кажется мнѣ

¹⁾ Переводъ популярнаго изслѣдованія пастора *Шуази*: „La tradition apostolique par Louis Choisy pasteur de l'église de Geneve. Paris. 1874.

вытекаетъ изъ послѣдующихъ судебъ церкви, которыя я излагаю въ этомъ сочиненіи. Нельзя понять церкви 2-го вѣка, не принимая данныхъ преданія относительно времени написанія Евангелій; но истинная защита этихъ священныхъ памятниковъ будетъ состоять въ изученіи ихъ содержанія. Рационализмъ нападаетъ на нихъ не столько во имя исторіи и науки, сколько во имя своихъ догматовъ, извѣстныхъ артикуловъ вѣры, ставшихъ для него аксіомами. Чтобы отвѣчать ему, надобно противопоставить его критикѣ—часто безразсудной—доказательства здравой и обдуманной критики. Это послѣднее будетъ предметомъ другаго труда, и мы не отчаиваемся, если Господь дастъ намъ силы и время, представить вѣрующимъ результаты добытые въ этомъ отношеніи лучшими трудами современныхъ ученыхъ. Между тѣмъ почтемъ себя счастливыми, если содержаніе слѣдующихъ страницъ будетъ способствовать къ укрѣпленію вѣры въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ малыхъ, которые вѣрують въ Іисуса Христа.





ВВЕДЕНИЕ.

I. Значеніе критики въ исторіи.—Ея крайности.

II. Какъ сохраняется память о событіяхъ?—Устное преданіе, сила его.—Преданіе письменное; уваженіе древнихъ къ официальнымъ источникамъ.—Сочетаніе устнаго преданія и преданія письменнаго.

III. Два первые вѣка церкви.—Литературное движеніе въ Римской имперіи.—Книги, библіотеки.—Надписи, публичные акты, архивы.—Путешествія.

IV. Истребленіе документовъ войнами, несчастными случаями и временемъ.

I.

Существуетъ наука, по началу сравнительно новая, которая, подъ именемъ критики возстаетъ и часто вооружается противъ традиціонныхъ данныхъ исторіи съ тѣмъ, чтобы, изслѣдуя ихъ, обсудить, признать или отвергнуть. По природѣ своей она скорѣе ворчлива и недовѣрчива; она болѣе разрушаетъ, нежели созидаетъ. Въ наше время она примѣнила вси приемы и свои строгости къ евангельскимъ сказаніямъ о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ. Во французскихъ странахъ она находится въ періодѣ разрушенія; скоро ли мы увидимъ, что она, подобно какъ въ Германіи, вступить въ новый фазисъ, въ фазисъ возрожденія?—Позволяемъ себѣ надѣяться на это.—Что касается до насъ, то мы не предаемъ анаѹемъ науку, безъ которой нельзя обойтись. Критика есть необходимость нашего времени: мы хотимъ показать, что сколько она жестока, дѣйствуя однимъ молотомъ, столько же можетъ быть и благотельною, когда

дѣйствуетъ и киркою.—Зданіе евангельскаго преданія, отъ котораго она оторвала столько камней, обязано ей также славными трудами для его сохраненія и возстановленія.

Первымъ примѣненіемъ критики должно быть приложеніе ея къ ней самой, указаніе на то легкомысліе и ошибки, въ которыхъ дѣлаются виновными сами представители ея. Мы начинаемъ дѣло краткимъ изложеніемъ тѣхъ трудностей и опасностей, которыми эта наука затрудняетъ путь къ истинѣ. Когда мы начертимъ карту мѣстностей, узнаемъ подводные камни мѣста непроходимыя, то намъ будетъ безопаснѣе плавать въ этихъ бурныхъ водахъ, и легче предохранить себя отъ крушенія. Критика на критику,—такъ мы озаглавливаемъ предварительныя заши разсужденія.

Первая опасность въ приѣмахъ историческаго изысканія есть та, чтобы не злоупотреблять доказательствами основанными на молчаніи документовъ или писателей, лѣтописцевъ, поэтовъ, философовъ и путешественниковъ. Есть умалчиванія, которыя сами по себѣ ничего не говорятъ потому, что дѣйствительно ими ничего не сказано, и это самыя безопасныя умалчиванія. Но есть другія умалчиванія, которыя однакоже нѣчто говорятъ. Такъ, когда противъ массы свидѣтельствъ, или противъ всѣми принятаго преданія зъ продолженіе долгаго времени не возникаетъ никакого опроверженія, то молчаливое согласіе послѣдующихъ одна за другою генерацій, говорить въ пользу свидѣтельства или преданія ¹⁾. Ясно, какъ много простора даетъ себѣ въ этомъ отношеніи отважная критика. Если скорѣ дѣтъ многочисленныхъ и древнихъ документовъ, она готова заключить, что совсѣмъ ничего и не происходило, вопреки преданіямъ, утверждающимъ противное. Или же это молчаніе она готова

¹⁾ Авторъ поясняетъ это (въ примѣчаніи) примѣрами изъ преданій родной ему швейцарской исторіи. Эти и подобныя ссмысли авгора мы сочли возможнымъ опустить. *Прим. пер.*

употребить въ пользу своихъ идей или своей системы. Или, если есть свидѣтельства, то она строго перебираетъ, что они говорятъ и чего не говорятъ, и станетъ опровергать то, что они говорятъ, тѣмъ, чего они не говорятъ, придумаешь корыстныя причины этихъ умалчиваній, припишетъ подозрительныя намѣренія свидѣтелямъ и въ концѣ всего окажется, что молчаніе свидѣтелей скажетъ для критики болѣе того, что сказали бы ихъ слова. Если же находится много свидѣтелей. изъ которыхъ одни умалчивали бы о томъ, что другіе говорятъ, то захотятъ, можетъ быть, чтобы умалчиваніе первыхъ подавило голоса послѣднихъ. Или же молчаніе какихъ либо частныхъ записокъ объ извѣстныхъ современныхъ имъ событіяхъ наводитъ въ глазахъ критики сомнѣніе на дѣйствительность этихъ событій. Такимъ образомъ изъ журнала Людовика XVI, упоминавшаго въ немъ только объ своихъ выѣздахъ на охоту, да объ обѣдахъ, на которыхъ онъ присутствовалъ, должно бы заключить, что *10-е августа* есть басня и что плѣнъ короля есть легенда новѣйшаго происхожденія ¹⁾. Критика имѣетъ самыя странныя причуды: одинъ разъ она отвергаетъ документъ за то, что онъ говоритъ, а въ другой разъ за то, чего онъ не говоритъ.

Если молчаніе исторіи поощряетъ критику къ разнымъ прихотливымъ выводамъ, то слова или свидѣтельства исторіи даютъ критикѣ поводъ къ самымъ страннымъ толкованіямъ. „Дайте мнѣ двѣ строчки письма какого нибудь человѣка, и я берусь осудить его на смерть“.—Критика же разъ могла бы

¹⁾ Въ рукописномъ журналѣ Людовика XVI подъ іюлемъ 1791 года записано: „совсемъ ничего не происходило“.—Прошу извинить; журналъ заключаетъ три слѣдующія замѣтки: „четвертокъ, 14. Я долженъ былъ принять лекцію.—Воскресенье 17 числа.—Дѣло о марсовомъ полѣ — Четвертокъ, 21 числа, лекція въ шесть часовъ, и окончаніе сессіи“.—Объ августѣ мѣсяцъ одна только общая замѣтка: „этотъ мѣсяцъ былъ таковъ же какъ и іюль“. A. Geoffroy, *Gustav III la cour de France*, Paris, 1867, томъ II, pag. 364.

примѣнить къ себѣ это знаменитое изреченіе одного начальника полиціи.—Трудно вообразить то, что она умѣетъ извлекать изъ словъ, изъ строкъ, — то, что, напримѣръ, извлечено ею изъ нѣсколькихъ строчекъ христіанскихъ писателей II-го вѣка Египта и Папія. Цѣлые томы написаны по поводу нѣсколькихъ словъ этихъ писателей церкви.—Или, лучше, оторвутъ одну цитату изъ того, что ей предшествуетъ или что за нею слѣдуетъ, или вырвутъ нѣсколько словъ, или выраженій владѣющихъ силою тонкихъ намековъ, такъ какъ критика претендуетъ на умѣніе чудеснымъ образомъ читать между строкъ, и дѣйствительныхъ авторовъ заставляютъ говорить то, отъ чего послѣдніе со стыдомъ отказались бы. Довольно припомнить, какъ римская церковь, съумѣла извлечь изъ выраженія: *и ты никогда обращаешься утверди братію твою* (Лук. 22, 32), подвергнувъ его высшему давленію, такой смыслъ: оно ни больше ни меньше какъ заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ ученіе о папской непогрѣшимости! Критика увлеченія! Она встрѣчается въ самыхъ противоположныхъ лагеряхъ—у тѣхъ, которые слишкомъ много отвергаютъ, и у тѣхъ, которые слишкомъ много утверждаютъ.

Поверхностные приемы не меньше этого во вкусѣ критики, если встрѣчается разнорѣчіе въ свидѣтельствѣ. Она злоупотребляетъ показаніемъ разногласія, изъ котораго спѣшить вывести доказательство противорѣчія. Прежде всего, гдѣ оканчивается простая вариация? Гдѣ начинается явное противорѣчіе? Проблема не такъ легкая для рѣшенія. Извѣстенъ этотъ удобный способъ разрѣшать историческіе гордіевы узлы, который состоитъ въ разсѣченіи мечемъ, т. е. однимъ почеркомъ пера. Такъ какъ свидѣтели въ показаніяхъ несогласны, необходимо, говорите вы, сомнѣваться. Но до какого пункта по вашему требованію должно простирается ихъ согласіе? Необходимо ли, чтобы они слово въ слово копировали? Или чтобы рабски подражали одинъ другому? Или чтобы одни сличали свои замѣтки, или чтобы

они писали, что предполагають, послѣ предварительнаго согласія между собою?—Но, въ такомъ случаѣ критика завопить и заподозрить въ подлогѣ. Впрочемъ посмотрите къ чему могутъ привести такіе принципы. Изъ того, что преданіе даетъ Кіру два разныя дѣтства и двѣ различныя кончины ¹⁾, въ другомъ случаѣ изъ того, что преданіе говоритъ, что Аннибалъ перешелъ Альпы въ двухъ различныхъ мѣстахъ,—изъ того, что въ наше время есть два разные разсказа о потерпѣвшихъ кораблекрушеніе у Аукландскихъ острововъ,—Рейналя и капитана Мусграва ²⁾,—изъ того, что въ 1871 году англійскіе журналисты никакъ не могли привести въ ясность того, что лордъ Честерфилдъ, умершій отъ тифа, до болѣзни принца уэльскаго, проживалъ ли въ теченіе октября въ замкѣ лорда Ландесборуга ³⁾, гдѣ принцъ почувствовалъ первые припадки болѣзни—должно ли поспѣшить заключеніемъ, что Киръ есть мнѣ, что Аннибалъ съ войскомъ своимъ никогда не переходилъ Альповъ, что Рейналь разсказывалъ намъ чепуху, и что непроницаемая тайна носится надъ причинами болѣзни англійскаго принца и надъ предшествовавшими ей обстоятельствами?

¹⁾ Есть три Кира: Киръ Ксенофоновъ, Киръ Продотовъ и Киръ Ктезійевъ.—Киръ Ксенофоновъ есть научно образованный Киръ; Киръ другихъ двухъ историковъ есть варваръ.—Продотовъ Киръ, внукъ, возстаетъ противъ своего дѣда, и не представляетъ никакого родства между Астіагомъ и Киромъ. Ктезій представляетъ своего Кира честолюбивымъ и кровожаднымъ, предпринимающимъ противъ Астіага походы для завоеваній и грабежа.—Оба повѣствуютъ, что онъ умеръ насильственною смертію, Продотъ—въ сраженіи въ Массаетскою царицею Томирисю, Ктезій—вслѣдствіе раны полученной имъ во время войны съ Дербисами; но слѣдуетъ ли изъ этого выводить, что Киръ есть мнѣ, а исторія его есть сплетеніе басень?

²⁾ Сочиненіе Рейналя (Raunal) появилось въ 1869 году. Болѣ простой разсказъ капитана Мусграва, въ видѣ журнала напечатанъ въ 1866 г. Saturday Review, 16 декабря 1870, стр. 125—126.

³⁾ Статья „Historie Doubts“ въ Saturday Review, 16 декабря 1871. стр. 779.

Критика изворотлива: извлеки доказательства изъ разнорѣчія свидѣтельствъ или преданій, она налегаетъ на то, которое она извлекаетъ изъ ихъ сходства или аналогіи; она ведетъ это дѣло съ величайшими предосторожностями. Аналогію считаетъ она средствомъ, способнымъ повсюду компроментировать историческую дѣйствительность. Кто знаетъ, не одни ли и тѣ же это данныя, которыя разукрашивали различные писатели?—Не прикрываетъ ли различіе формъ изложенія общаго ихъ происхожденія? Не производится ли въ пользу какого нибудь лица, какого нибудь народа, какого нибудь исповѣданія какое нибудь подозрительное писаніе или *неловкая поддѣлка*? А можетъ быть, *продолжасть крѣпика*, двумъ лицамъ приписали одни и тѣ же факты и пріемы, или въ одномъ лицѣ соединили заслуги или подвиги двухъ ¹⁾). Какъ многія вѣроисповѣданія приписываютъ своимъ героямъ сверхъестественное рожденіе, то очевидно, что позже появившіяся копировали только съ предшествовавшихъ имъ; каждое вѣроисповѣданіе хотѣло имѣть также своего младенца родившагося отъ дѣвы, и въ глазахъ критики подражаніе доказывало отсутствіе настоящаго подлинника, или невозможность какого бы то ни было

¹⁾ Въ числѣ другихъ обстоятельствъ, сбивающихъ съ пути критику, приведемъ въ примѣръ сл одной стороны перемѣну одного имени или многихъ именъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, а сл другой стороны тождество именъ двухъ разныхъ лицъ. Шварцердъ (Schwarzerd) или какой нибудь Гаусшеймъ (Hausschein) дѣлаются одинъ Меланхтономъ, а другой Эсколапдомъ (Escolampade), Деспрео и Аруэ называются также Буало и Вольтеромъ; аббатъ Лонзонъ, въ священствѣ именуется отцемъ Іакинѣомъ (père Hyacinthe), а впечатлѣный швейцарскій ученый Мерле, въ Америкѣ извѣстенъ подъ именемъ доктора д'Обьянъ. На оборотѣ, какъ будто нарочно смѣшивали двухъ Цельсовъ (Celse) II-го вѣка, двухъ Сенековъ, двухъ Руссо, и въ одномъ семействѣ разныхъ его членовъ: Расина—отца и сына, обоихъ поэтовъ, или восьмерыхъ Бернуллиевъ изъ Базеля, всѣхъ великихъ математиковъ въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ ср. Alph. de Candolle, *Histoire des sciences et des savants depuis deux siecles*, Geneve, 1873, стр. 108, 109, 131.

подлинника. Ложное, поддѣльное доказывало бы, что нѣтъ истиннаго, нѣтъ чистаго металла. Лжечудеса, лжепророки, лжехристы, лжерелигіи показывали бы, что нѣтъ ни чудесъ, ни пророковъ, ни Христа, ни истинной религіи. А сверхъ того во все времяна были на свѣтъ поддѣльватели. Недавно еще довѣрчивый Шаль (Chasles), любитель книгъ, былъ страннымъ образомъ обманутъ однимъ дѣльцемъ ¹⁾. По сему благочестивый подлогъ, корыстный подлогъ могъ существовать во всякое время, и исторія должна вѣрить въ обманъ, и въ легковѣріе свидѣтелей и документовъ до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрится въ ихъ невинности! Вотъ до чего доходятъ съ подобными требованіями. Было три Іерихона, построенныхъ въ разное время, и на мѣстахъ довольно близкихъ одно къ другому, но различныхъ; это сходство названій при различіи мѣстностей не отзывается ли смѣшеніемъ или обманомъ историческимъ? Надлежало, чтобы каждая эпоха имѣла свой Іерихонъ какъ каждый древній народъ имѣлъ своего Геркулеса ²⁾. Во французской исторіи

¹⁾ Г. Шалю представлени были письма: царицы Клеопатры къ Юлію Цезарю, письма воскрешеннаго Лазаря къ апостолу Петру, Маріи Магдалины къ Лазарю, и ея же къ королю Бургундскому, письма Галилея, Ньютона и проч. и пр. (Bordier, въ *Revue contemporaine*. Fevrier, 1870).—Еще съ большимъ правомъ можно указать на огромный и прискорбный успѣхъ, который имѣли въ римской церкви подложныя декреты Исидора (*Faussees décrétales d'Isidore*), или статьи называемыя постановленія древнихъ папъ, обнаруженныхъ въ 345 году, и считавшіяся за достовѣрныя въ теченіе семи сотъ лѣтъ, второе собраніе подложныхъ документовъ, появившихся при Григоріи VII въ XI вѣкѣ, и послужившихъ къ основанію новаго церковнаго права, декретъ Граціана (*décret de Gratien*) 1150 года, сборникъ каноническаго права, въ который внесены все предшествовавшіе подложные акты, ссылки на соборы и на отцевъ греческой церкви, сочиненныя однимъ доминиканомъ въ 1261 году въ пользу папства и проч.—См. Fanus, *der Papst und das Coucil Leipzig*, 1869, стр. 100, 107, 142, 154, 282.

²⁾ Gaspari, *Chronologisch—geographische Einleitung in das Leben Jesu—Christi*, Hamburg, 1869, pag. 160.

упоминается объ Іоаннѣ Дѣвственницѣ, которая воинствовала въ тоже самое время какъ Іоанна д'Аркъ, и которая кончила тѣмъ, что вышла за мужъ въ Мецъ ¹⁾. Не ясно ли, скажетъ критика, что эти двѣ женщины были одна и таже Іоанна, и, вмѣсто легенды, по которой Іоанна освободила Орлеанъ, взята была въ плѣнъ англичанами и сожжена ими какъ колдунья, не благоразумнѣе ли предпочитать, что она честно вышла замужъ и обзавелась хозяйствомъ въ Мецѣ, какъ всякая простая гражданка?

Но критика чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ особенно тогда, когда она оцѣниваетъ правдоподобіе повѣствованій и документовъ, въ то самое время когда она подвергается наиболѣе опасности сбиться съ пути. Конечно никакъ не слѣдуетъ, чтобы она сдалась первому встрѣчному; необходимо, чтобы она съ достоинствомъ исправляла свое учительное званіе. Но злоупотребленіе такъ искучительно!—Такъ пріятно рубить мечемъ! Увѣряютъ, что жизнь еще удивительнѣе нежели романъ. Неправдоподобное, часто близко къ истинѣ, если даже не самая истина. Немѣшало бы современной наукѣ имѣть нѣсколько болѣе скромности. Графъ Бовуаръ, въ одномъ изъ прекрасныхъ своихъ сочиненій, говоритъ объ одной странѣ, въ которой на деревьяхъ есть листья, но они не даютъ тѣни, въ которой самца казоара (жаръ птица) кладетъ яйца, а самецъ высиживаетъ ихъ, крылья же у нихъ безъ перьевъ,—въ которой растутъ вишни съ косточками снаружи,—въ которой у людей нѣтъ другаго кармана кромѣ впадины подъ мылкою и толстой кучки волосъ на головѣ, между тѣмъ какъ нѣкоторыя животныя надѣлены природными карманами,—говоритъ о странѣ, въ которой камни встрѣчаются только по берегамъ ручьевъ,—въ которой можно проѣхать верстъ сто не встрѣчая ни од-

¹⁾ Legendre, Traité historique et critique de l'opinion. Paris, 1741. IV pag. 694.

ного булыжного камня ¹⁾). Предположимъ, что критикъ будущаго времени, двѣ тысячи лѣтъ спустя, напелъ бы нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся до знаменитаго филантропа Пибоді; онъ увидѣлъ бы, что въ одинъ и тотъ же день, въ Лондонѣ, англиканскій епископъ этого города, и диссидентскій пасторъ Нюманъ Голлъ произнесли надгробное слово Пибоди и причисляли его къ лику святыхъ. Онъ станетъ утверждать, что покойный былъ похороненъ въ Лондонѣ въ Уэстминстерскомъ аббатствѣ, и также въ Денверѣ, въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ. Онъ станетъ удивляться скудости извѣстій объ его жизни, собранныхъ его соотечественниками.—Кто же такой былъ этотъ Пибоди? Было-ли составлено его жизнеописаніе? Кто встрѣчалъ его въ обществахъ? Кто показывалъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, а въ дѣловой части города кто показывалъ контору, въ которой онъ пріобрѣлъ такое царское состояніе? Ничего неизвѣстно о семействѣ его, ни объ его образѣ жизни; нѣкоторые говорили, что онъ занималъ скромный домикъ и избѣгалъ общества своихъ сосѣдей. Утверждали такъ, что бранные его остатки перевезены изъ Англіи въ Америку на кораблѣ, на которомъ построена была башня,—все это поэтическія прикрасы, придуманныя народнымъ воображеніемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ, вѣроятно, похороненъ былъ у подножія башни, названной башенькой, служившей колокольнею какой нибудь приходской церкви,—былъ ли онъ даже англичанинъ или американецъ и этого нельзя привести въ ясность ²⁾).—Между тѣмъ я вижу, я слышу этого будущаго критика, какъ онъ съ презрительнымъ тономъ ставитъ въ число бабьихъ сказокъ всѣ эти данныя преданія.—Факты, анекдоты, названія мѣстностей, имена людей, время, все, по видимому, неправдоподобно,

¹⁾ Comte de Beauvoir, Australie, 1870. 200, 201.

²⁾ Saturday Review, 20 Novembre, 1869.

но можно ли изъ этого заключить, что все это дѣйствительно неправдоподобно? Критика заблуждается также легко, обличая факты или преданія въ открытой ея ошибкѣ или подлогѣ. Конечно ея обязанность безпощадно выставлять подлогъ, или даже вѣроятность подлога, но она должна помнить, что вѣроятность или наружность бываетъ обманчива, и что мы сами себя обманываемъ, принимая факты за наружность, а наружность за факты. Легко заключать по ошибкѣ въ подробности ошибку въ цѣломъ, отъ частнаго перейти къ общему духу, отдѣльныя личности выставлять представителями массъ, и мнѣніе одного какого нибудь лица смѣшивать съ общественнымъ мнѣніемъ.—Настоящее время не бѣдно фокусниками, которые играютъ фактами и располагаютъ зеркала свои такъ, чтобы увеличить или уменьшить историческія черты, или дать имъ видъ по своему усмотрѣнію. Истинный историкъ есть настоящій судія; онъ человѣкъ правды, но не всѣ суть историки; и не всѣ заботятся быть истинными историками. Духъ партіи скрашиваетъ факты, или извращаетъ сужденіе и критическій смыслъ. Опрометчивыя или крайнія заключенія и выводы, общіе приговоры—вотъ въ чемъ опасность.—Въ Женевѣ, на примѣръ, полагали, что такъ называемый женевскій постъ установленъ въ память Варооломеевской ночи; это несправедливо, но слѣдуетъ ли торопиться заключать изъ этого, что въ 1572 году, при вѣсти о гнустномъ замыслѣ, въ Женевѣ не было никакого поста? А касательно самой Варооломеевской ночи возможно, что найдутся ошибки въ разсказахъ о ней; но историкъ, который сознаетъ свое достоинство, будетъ ли въ правѣ изъ за этого побужденія смягчать черноту этого преступленія, а римская церковь будетъ ли въ правѣ утверждать, что избіеніе протестантовъ было только предупредительною мѣрою, вызванною заговорами этихъ жалкихъ людей? А это въ свою очередь докажетъ ли, что въ Римѣ не была выбита медаль въ память рѣзни еретиковъ? Скажемъ ли мы, что Людовикъ XVII и Наполеонъ II были



не что иное какъ мнѣя потому, что мы не находимъ ни одной бумаги подписанной ими, и что въ лѣтописяхъ Франціи нѣтъ мѣста для ихъ царствованія? Или, на оборотъ, если какой нибудь ярый сторонникъ права „Божіею милостию“ притворился бы, что не знаетъ междоусобицъ отъ 1791 по 1814 годъ, и сталъ бы рассказывать намъ чистосердечно происшествія изъ царствованія Людовика XVII и Людовика XVIII, заключающіяся въ этомъ промежуткѣ времени, то назовемъ ли мы эти рассказы вымышленными потому, что рассказъ этотъ составленъ въ нашемъ вкусѣ? Ошибки графа Паликао, фантастическія денешніе этого же министра и Гамбетты докажутъ ли намъ, что въ 1870 и въ 1871 годахъ не было никакихъ кровопролитныхъ сраженій во Франціи?—Нѣтъ, мы слишкомъ близки къ этимъ событіямъ, чтобы насъ можно было обмануть, или чтобы мы сами могли обманываться. Примемъ же ту же осторожность, обсуживая прошедшее, чтобы ошибки не предубѣждали насъ противъ истины, чтобы апокрифическія подробности не закрывали предъ нами дѣйствительности цѣлаго.

Изъ этого слѣдуетъ, что, при разборѣ историческаго матеріала, есть средство держаться середины между рѣшимостію отвергать все, и рѣшимостію принимать все. Можно достигать только извѣстной мѣры вѣроятности, но вѣроятность можетъ возвыситься до такой степени, что становится достовѣрностію. Въ настоящемъ сочиненіи мы имѣемъ въ виду доказывать не столько божественность христіанской религіи, сколько истинность, историческую истинность тѣхъ событій, на которыхъ она зиждется, именно то, что правдоподобіе этихъ событій здѣсь достигаетъ такихъ размѣровъ, что умъ, любящій историческую истину, принужденъ сдаться предъ ними. Дѣло касается исторіи, а не догматики. При всемъ томъ мы повторимъ съ однимъ тонкимъ критикомъ, что „это не такой только вопросъ, который можно порѣшить запасомъ эрудиціи болѣе или менѣе богатой; это—вопросъ, въ которомъ и совѣсь получаетъ свое значеніе и въ



которомъ ей принадлежитъ право отвергнуть всякое нововведеніе, которое не основано на доводахъ столь же твердыхъ какъ скала, и столь же ясныхъ какъ день“ ¹⁾).

II.

Не бесполезно изучить предварительно, какимъ образомъ обыкновенно сохраняется память о событіяхъ, и какъ пишется исторія. Прежде всего образуется на мѣстѣ, и тотчасъ же послѣ событія, устное преданіе, передающееся другимъ; очевидные свидѣтели, дѣйствующія лица, рассказываютъ о нихъ между собою и рассказываютъ другимъ, которые въ свою очередь повторяютъ ихъ, отмѣчая въ нихъ въ то же время главныя явленія, выдающіяся черты. По мѣрѣ того какъ преданіе удаляется отъ источника своего, къ нему могутъ примѣшиваться нечистыя черты, но оно можетъ прійти въ первобытную свою чистоту, возвратясь къ своему источнику; впрочемъ рассказы и пересказыванія, различіеся между собою контролируютъ другъ надъ другомъ и новѣрка, которой они время отъ времени подвергаются, завершается наконецъ точнымъ сохраненіемъ воспоминаній и свидѣтельствъ. Конечно, значеніе этого преданія будетъ различно, смотря по предмету, по времени, по мѣсту, по воспитанію, по складу ума, по числу и качеству свидѣтелей, смотря по промежутку времени, такъ что преданіе, родившееся въ уголку земнаго шара, среди мыслителей мечтательныхъ, покрытое пылью многихъ тысячелѣтій, и не поражающаго свойства, не будетъ тяготѣть на вѣсахъ исторіи такъ, какъ другое преданіе, родившееся въ полномъ свѣтѣ, во время высокой степени цивилизаціи и затрогивающее человѣческое существо до мозга костей.

¹⁾ Bordiner, La querelle, XI. pag. 25.



Опытъ свидѣтельствуеъ теперь, что въ пору великихъ жизненныхъ переломовъ своей исторіи человѣчество съ страстною силою привязывается къ своимъ преданіямъ, и закрѣпляетъ свои воспоминанія въ формы, въ которыхъ они отвердѣваютъ съ теченіемъ времени. Тогда уже имѣютъ дѣло съ преданіями твердыми, сложившимися, по которымъ не меньше того все остаются только устными. Съ этой точки зрѣнія исторія заслуживаетъ положительнаго вниманія. Трудно представить, къ какой невѣроятной твердости бываетъ способна память человѣческая, когда бываютъ задѣты драгоценнѣйшіе ея интересы, когда дѣло идетъ объ ея національной или религіозной славѣ. Память, такъ сказать, застываетъ, преданія становятся подобными токамъ лавы, сохранившимъ формы текущихъ рѣкъ, и такимъ образомъ надъ ними проходятъ столѣтія не измѣняя ихъ вида. Народное уваженіе, иногда даже суевѣріе замѣшиваются въ дѣло, и подъ видомъ святотатства и національной измѣны, не допускаютъ письменнаго изложенія этихъ историческихъ памятниковъ. Не слѣдуетъ представлять ихъ себѣ только въ формѣ летописей, временниковъ, исторій, въ которыя событія записаны въ извѣстномъ, научно установленномъ порядкѣ. Большею частію это суть свѣтскія или духовныя пѣсни, пословицы, статьи законовъ, множество поговорокъ, сложившихся въ памяти народа, или высшихъ образованныхъ классовъ, какъ въ самомъ надежнѣйшемъ архивѣ¹⁾. Такимъ

¹⁾ „Устное преданіе, особливо если оно вѣрается храненію сословія ученыхъ жрецовъ, можетъ сохранятьъ въ теченіе многихъ столѣтій священныя слова мертвого языка, между тѣмъ какъ живой языкъ, на которомъ говорятъ эти самые жрецы и ихъ соотечественники, развивается и измѣняется“. Max Muller, *Essais sur l'histoire des religions*, Paris, 1872. pag. 128.—Аюста въ своемъ сочиненіи *Historia natural y moral* рассказываетъ, что индусы вѣли призыву съ памяти, наизусти, читать рѣчи и слова древнихъ своихъ ораторовъ и многочисленныя пѣснопіія, сочиненныя ихъ народными поэтами..... Для этой цѣли существовали у нихъ высшія и низшія училища, въ которыхъ молодые люди вѣттерживали эти литературныя и другія произведенія изъ устъ стариковъ.

образомъ индусы браминскаго исповѣданія, въ теченіе вѣковъ безъ записи сохраняли тысячу семнадцать гимновъ, составляющихъ собраніе Ведъ, гимновъ, сочиненныхъ тремястами поэтовъ, жившихъ въ промежутокъ между 1500 и 800 годами до Рождества Христова.—Брамины вытверживали наизусть трудные и мелочные служебные уставы, на изученіе которыхъ жрецы и набожные люди посвящали лучшіе годы своей жизни. Это обученіе происходило изустно; слова и выраженія впечатлѣвались въ памяти учащихся отъ частаго ихъ повторенія. Такова была ревность хранителей этихъ священныхъ книгъ, что малѣйшіе варианты въ текстъ благоговѣнно передавались; образовались цѣлыя семейства декламаторовъ, какъ позже были цѣлыя семейства рукописцевъ; замѣчались самыя незначительныя измѣненія въ ритмѣ.—Философскія секты тѣмъ же путемъ устнаго преданія передавали утры или афоризмы, въ которыхъ онѣ вкратцѣ излагали свое ученіе, и эти массы документовъ записаны были на бумагу только за 400 или за 500 лѣтъ до Р. Хр. ¹⁾. У буддистовъ священные тексты Тройной корзины (Питакаттайя—Пали, Pitakattaya-Pali) и правовѣрное толкованіе Аттаката (Attakata) сохранялись изустно въ теченіе отъ трехъ до четырехъ сотъ лѣтъ даже до 89 года предъ Р. Христовымъ ²⁾.

Ученики Зороастра персы, въ началѣ, тоже не имѣли другаго способа передавать ученіе своего учителя и сложные обряды общественнаго богослуженія ³⁾. „У древнихъ

въ памяти которыхъ они, казалось, были вѣзаны. Тѣ, которые предназначались быть со временемъ ораторами, должны были слово въ слово выучивать наизусть древнія произведенія. Idem. pag. 438.

¹⁾ Max Muller, A History of Ancient Sanscrit Literature, London, pag. 27, 311, 377, 379, 387, 388, 500—506, 508, 524, особливо же стр. 387, 388 и 524.

²⁾ Barthélemy St.Hilaire, Le Bouddhaeta religion, Paris, 1862, pag. 352.

³⁾ Еще и теперь у Гвевровъ молитвы на всѣ случаи читаются на древнемъ первобытномъ языкѣ зендскомъ, изъ котораго никто не понимаетъ уже

грековъ и римлянъ существовало устное преданіе, сохранявшееся жителями извѣстнаго города, не смутное и безразличное какъ наши преданія, но дорогое для городовъ, которое не измѣнялось по прихоти воображенія, и котораго никто не воленъ былъ измѣнить потому, что оно составляло часть богослуженія, и состояло изъ сказаній и пѣсень повторявшихся изъ года въ годъ, во время ихъ религіозныхъ праздниковъ. Въ этихъ священныхъ и неизмѣнныхъ гимнахъ сохранялись воспоминанія, а чрезъ нихъ постоянно оживлялось преданіе¹⁾. Въ продолженіе многихъ генерацій законы не были писанные; они передавались отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ вѣрованіемъ и съ формою молитвы. Аристотель говоритъ, что прежде нежели законы были записаны, они пѣлись. Римляне называли ихъ стихами (*carmina*), греки же пѣснями (*ὕμνοι*). Эти древніе стихи оставались неизмѣнными текстами; перемѣнить въ нихъ букву, переставить слово, отступить отъ ритма пѣнія, это значило бы нарушить самый законъ, съ измѣненіемъ священной формы, въ которой онъ данъ былъ людямъ. Законъ уподоблялся молитвѣ, которая могла быть пріятна божеству только подъ условіемъ, чтобы она была читана такъ, какъ она есть, и которая становилась нечестивою, коль скоро въ ней хотя одно слово измѣнялось²⁾. Извѣстно, что творенія Гомеровы долгое время пѣлись то въ томъ, то въ другомъ городѣ, и что религія принимала подъ свое покровительство эти произведенія искусства, въ которыхъ судьбы народа смѣшивались съ его вѣрованіями и съ похожденіями его боговъ.

Память играла не менѣе важную роль въ еврейскихъ училищахъ. Съ первыхъ лѣтъ возраста, дѣтей приучали вы-

ни одного слова,—ни жрецы, которые ихъ читаютъ, ни слушатели, для назиданія которыхъ они повторяются. Max Muller, *Essais sur l'histoire des religions* pag. 235.

¹⁾ Fustel de Coulanges, *la cité antique*. Paris, 1866, p. 218.

²⁾ Idem. pag. 242, 243.

учивать наизусть толкованіе закона. Секта фарисеевъ не допускала даже, чтобы устное преданіе ¹⁾ записывалось, потому ли, что она хотѣла сохранить за собою монополію науки, или потому что они опасались, чтобы ошибки переписчиковъ, или намѣренное искаженіе текста не подали повода къ новымъ расколамъ. Огромныя и безпорядочныя массы толкованій, рѣчи и сказанія, составляющія еврейскій талмудъ, достигли до III вѣка на утлой ладѣ устнаго преданія, не опрокинувъ ея. Талмудъ передаетъ рѣчи, мнѣнія, сужденія важнѣйшихъ изъ еврейскихъ книжниковъ о разнаго рода предметахъ, начиная отъ Симеона праведнаго, жившаго за 180 лѣтъ до Р. Хр. до раввина Іосе (Iosé), жившаго въ VI вѣкѣ христіанскаго счисленія. Эти рѣчи переданы съ самою мелочною точностію, и можно угадать время, въ которое процвѣталъ извѣстный раввинъ по одной формулѣ, подъ которою онъ приводитъ мѣста изъ Свящ. Писанія ²⁾.

Аравитяне, эти единокровные братья евреевъ, подобно имъ, пользовались памятью, и этимъ средствомъ изъ вѣка въ вѣкъ сохранили множество воспоминаній, которыя образованные народы сохраняютъ записанными. Посему очень возможно, что рѣчи Магомета, спустя только извѣстное время, лѣтъ чрезъ 10—15 послѣ произнесенія ихъ, были запи-

1) R. L. Grau, *Entwicklungsgeschichte des neutestamentlichen Schriftthums*. Gütersloch, 1871, I, pag. 189.—Delitzsch, *Wissenschaft, Kunst, Judenthum*, etc. 1838, pag. 83. Одинъ христіанинъ еврейскаго происхожденія, написавшій между 170 и 200 годами послѣ Р. Хр. (Homélies Clémentines) Климентовъ проповѣди утверждаетъ, что законъ, данный Моисею не писаннымъ, первоначально передавался изъ устъ въ уста. По смерти Моисея одинъ смѣльчакъ изложилъ его письменно, но спустя около тысячи лѣтъ, по смерти служителя Локія, онъ погибъ въ пожарѣ, вслѣдствіе чего появилось новое изданіе закона, перемѣшанное со множествомъ мѣстъ, несогласныхъ съ истинною, между тѣмъ какъ чрезъ устную передачу подлинный текстъ сохранился во всей своей чистотѣ. *Hom. clem. edition Drechsel*, III, с. XLVII.

2) *Herzog. Real-Encyclopedie*, XV, p. 643—645. Статья Талмудъ.

саны, хотя Barthelemy St. Hilaire противнаго мнѣнія ¹⁾. Г. Вейль полагаетъ, что Коранъ не былъ подверженъ значительнымъ измѣненіямъ потому, что въ то время когда онъ былъ составленъ многіе мусульмане сохраняли его еще въ памяти ²⁾.

Вообще свободное слово, живая рѣчь учителя, профессора, имѣетъ такую прелесть, такое обаяніе, которыхъ книги никогда не замѣнятъ. Даже въ наше время высокой цивилизаціи, мы не считаемъ возможнымъ обойтись безъ устного обученія. И многочисленные студенты, которые тѣсняются на скамьяхъ европейскихъ университетовъ больше, нежели въ богатыхъ при нихъ библіотекахъ, подтверждаютъ ту прелесть, которую устное изложеніе во все времена производило на людей всехъ сословій—даже образованнѣйшихъ. Не смотря на часто неоспоримое превосходство по содержанію печатныхъ проповѣдей, онѣ не замѣняли еще проповѣдника, и писанное драматическое сочиненіе не сдѣлало еще лишними актеровъ, и тѣ, которые не читали бы у себя дома трагедій Корнеля или Распина, и которые не удержали бы у себя въ памяти ни одного стиха изъ нихъ по прочтеніи, съ истиннымъ наслажденіемъ будутъ присутствовать при представленіи на театрѣ какого нибудь изъ спехъ образцовыхъ произведеній, а возвращаясь домой будутъ повторять имъ особливо понравившійся стихъ. Если подобныя дѣйствія происходятъ и въ наше время и на нашихъ глазахъ, то какое значеніе должно было имѣть устное преданіе для древнихъ народовъ, когда оно было хранилищемъ всего—для нихъ драгоцѣннѣйшаго и священнѣйшаго—ихъ вѣрованій, ихъ законовъ, ихъ молитвъ, ихъ исторій?

При всемъ этомъ повсюду ощущалась потребность принять неотложныя предосторожности противъ неизбежныхъ

¹⁾ Mahomet et le Coran. Paris, 1865, p. 31.

²⁾ Weil. Mahomet, der Prophet. Stuttgart, 1843. pag. 352.

случайностей, каковы введеніе вариантовъ, исчезновеніе текста при великихъ народныхъ бѣдствіяхъ, внезапная смерть одного или вмѣстѣ нѣсколькихъ главныхъ ихъ хранителей. Посему письменное преданіе пришло на помощь устному, но не вытѣснило его; оно скорѣе послужило контролемъ для послѣдняго, для болѣе прочнаго его утвержденія. Начали съ надписей на памятникахъ, на медаляхъ, затѣмъ занялись копіями манускриптовъ текста; во многихъ мѣстахъ довольствовались копіями; рукописи не легко размножались — онѣ показывались на свѣтъ съ какою-то благоговѣйною медленностію; имъ воздавалось извѣстное священное почитаніе; ихъ укрывали отъ взоровъ толпы, и эти документы только со временемъ входили въ общее обращеніе, а сбивчивость письменъ, трудность въ чтеніи ихъ долгое время заставляли общество предпочитать имъ живое слово своихъ учителей, жрецовъ или ученыхъ. Священныя книги стали въ общемъ употребленіи у грековъ, у римлянъ и этрусковъ. Служебники были написаны иногда на деревянныхъ доскахъ, а иногда на полотнѣ. Аѳиняне свои богослужебныя обряды, дабы сдѣлать ихъ неизмѣнными, вырѣзывали на мѣдныхъ доскахъ. Римъ имѣлъ свои первосвященническія книги, свои авгурскія книги, свою книгу обрядовъ и свой сборникъ *indigitamenta*. Не было ни одного города, который не имѣлъ бы собранія древнихъ гимновъ въ честь ихъ боговъ..... Эти книги и эти пѣсни, составленныя жрецами, были сохраняемы римлянами съ величайшимъ тщаніемъ, и ихъ никогда не показывали иностранцамъ. Для большей предосторожности ихъ укрывали даже отъ взоровъ собственныхъ своихъ согражданъ.... Исторія для древнихъ народовъ имѣла гораздо большую важность нежели для насъ потому, что въ прошедшемъ города находили какъ всѣ мотивы такъ и всѣ правила своей религіи.... Каждый городъ имѣлъ свою исторію написанную жрецами. Римъ имѣлъ свои лѣтописи первосвященниковъ; сабинскіе, самнитскіе и этрурскіе жрецы вели подобныя же лѣтописи. Отъ грековъ осталась намъ память



о священныхъ лѣтописяхъ Аѳинъ, Спарты, Дельфовъ, Наксо-са, Тарента.... Въ каждомъ городѣ были свои лѣтописи, въ которыя тщательно заносились событія по мѣрѣ того, какъ они происходили. Въ этихъ священныхъ для нихъ книгахъ каждая страница была современна событію на ней записанному; не было никакой возможности исказить эти документы. Очень не легко было и первосвященнику, по мѣрѣ того какъ онъ записывалъ событія, вставить въ нихъ заведомо факты несходные съ истинною ¹⁾).

Въ области литературы, которая не была отдѣлена отъ религіи, наблюдался тотъ же строгій надзоръ. Ораторъ аѳинскій Ликургъ, во время второй войны объявленной Греціи Филиппомъ македонскимъ, испросилъ у народа аѳинскаго повелѣніе, на основаніи котораго трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида должны были быть скопированными и сохраненными на счетъ общественной казны; сверхъ того городской секретарь, во время представленія этихъ литературныхъ произведеній, обязанъ былъ слѣдить за ними по рукописи и удостовѣряться, чтобы актеры не позволяли себѣ никакихъ измѣненій въ текстѣ ²⁾).

Неужели же это уваженіе къ тексту было меньшее у евреевъ, у которыхъ національная исторія и исторія религіозная сливались въ одно? Очевидно, что уже во время Иисуса Христа и апостоловъ къ буквѣ закона имѣли почти суевѣрное благоговѣніе ³⁾). Тогда уже существовали преданія древнихъ—родъ толкованій, устанавливавшихъ до мельчайшихъ подробностей образъ жизни евреевъ-гражданскій и религіозный, которыя не накопились бы при текстѣ, если бы онъ уже съ давняго времени не приобрѣлъ благоговѣнія къ нему народа. Толчекъ въ этомъ смыслѣ уже былъ данъ: составители Талмуда уже въ I и во II вѣкахъ по Р. Хр. на-

¹⁾ Fustel de Coulanges, La cite antique, pag. 213—217.

²⁾ Plutarchi. Scripta Moralia, Edit. Didot, II, p. 1026.

³⁾ Матѣ. гл. V, 18.

чали строить огромное свое здание объясненій и бессмысленных трудовъ относительно Ветхаго Заѣта. Принялись считать буквы текста, отмѣчать первую букву каждой книги, вычислять букву, соответствующую срединѣ Ветхаго Заѣта вообще и каждой изъ его книгъ въ частности; хвастались тѣмъ, что такимъ образомъ воздвигли ограду закону¹⁾. Самымъ документамъ воздавали извѣстнаго рода благоговѣніе, опасались предавать ихъ нескромнымъ взорамъ иностранцевъ. Въ наше еще время въ Самаріи предъявляютъ вѣрнымъ для цѣлованія самарійскую рукопись Пятоннижія, и то еще только ночью, съ большими формальностями, тайнственно, опасаясь оскверненія, когда развертываютъ предъ европейскими посѣтителеми драгоценную рукопись²⁾.

Рѣдкій примѣръ уваженія восточныхъ народовъ къ преданію писанному встрѣчается въ исторіи магометанства. Спустя лѣтъ двадцать по смерти пророка, калифъ Отманъ повелѣлъ составить на чистѣйшемъ мекскомъ диалектѣ новое изданіе Корана. Списки или копіи этого изданія долженствовавшего остаться впредь неизмѣнными, посланы были въ главные города имперіи. „Изданіе Отмана, говоритъ Уильямъ Мюиръ (Willam Muir), переходя изъ рукъ въ руки, дошло до нашего времени безъ измѣненій; его такъ тщательно охраняли, что нѣтъ важныхъ варіантовъ.... въ безчисленныхъ спискахъ, обращающихся въ обширныхъ областяхъ ислама. Всегда существовалъ только одинъ Коранъ для всѣхъ непримиримыхъ партій, возникшихъ по убіеніи Отмана; и это единодушное употребленіе изданія, принятаго всѣми до нашего времени, есть одно изъ неопровержимыхъ доказательствъ вѣрности текста, которымъ мы владѣемъ“³⁾.

¹⁾ Ewald, Das nachapost. Zeitalter, pag. 62. etc.

²⁾ Tsistram. The Land of Israel, pag. 157—159.

³⁾ B. Saint-Hilaire. въ упомянутомъ соч. pag. 32, 33.



Сказанное нами объ устномъ преданіи прилагается также и къ письменному преданію. Не всякое преданіе по-мому только уже, что оно письменное, есть правдивое: между преданіями есть весьма важныя различія; для оцѣнки ихъ достоинства необходимо обращать вниманіе на ту среду, въ которой они составились, на содержаніе ихъ и на вліяніе, которое они оставили на нравы. Критика не преклоняется, и не можетъ преклоняться предъ какою нибудь простою рукописью. Мы ограничиваемся изслѣдованіемъ, какое ручательство въ вѣрности представляютъ намъ религіозныя преданія древнихъ временъ. Исторія для древности есть святое дѣло,—это сила, это также слабость преданія. Личное расположеніе духа историковъ, прихоть лица ни малѣйше не участвуютъ въ составленіи ея, народы сами стоятъ на стражѣ святилища.

Устное первоначальное преданіе и преданіе записанное, объединяясь, производятъ третій родъ преданія, можетъ быть вѣрнѣйшій всѣхъ. Это записки или мемуары, усвоившіе себѣ содержаніе письменныхъ источниковъ, которые такимъ образомъ увѣковѣчиваютъ память какъ о самыхъ источникахъ такъ и о событіяхъ, не смотря на утрату или исчезновеніе документовъ; гдѣ недостаетъ послѣднихъ, тамъ они замѣняютъ ихъ отсутствіе. Далѣе это суть живыя поэмы, живыя исторіи, живыя библіи, для обладанія ими не нужны высшія способности,—достаточно одной обширной памяти. Ихъ образовали книги, а потомъ они сами становятся книгами, только не писанными; съ ними справляются также точно, какъ бы справлялись бы съ писанными текстами; ихъ цитуютъ какъ самыя книги. Такія явленія становятся рѣдкими въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ, гдѣ масса человѣческаго знанія составляетъ уже тяжелый грузъ, но не то было въ отдаленныя времена, или у народовъ, посвящавшихъ себя изученію какого нибудь одного предмета. Приводятъ въ примѣръ евреевъ, знавшихъ наизусть большую часть Талмуда. Христіанскіе первыя вѣковъ мученики облегчали

скуку заключеній своихъ въ темницы, читая наизусть священныя книги. У римлянъ были въ обычаѣ публичныя чтенія, и не одинъ слушатель выходилъ съ знаніемъ наизусть статей или книгъ такимъ образомъ читаемыхъ. Во время императора Августа постоянно производилсь чтенія въ слухъ въ публичныхъ мѣстахъ, на форумѣ, въ театрѣ, въ баняхъ, въ наемныхъ помѣщеніяхъ, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей¹⁾. Многие изъ сподвижниковъ Магомета, которые назывались чтецами или носителями Корана, знали его наизусть потому ли, что нарочно выучивали его, или потому, что часто слышали его изъ устъ этого пророка²⁾. Дѣти, въ нашихъ училищахъ, выучиваютъ такимъ образомъ наизусть басни и пѣсни прежде, нежели научаются читать, и пересказываютъ ихъ родителямъ своимъ или товарищамъ, которые, въ свою очередь, затверждаютъ ихъ. Наше религіозное воспитаніе происходило такимъ же образомъ; первыя свѣдѣнія изъ священнои исторіи мы почерпнули изъ устнаго преданія; печатная книга явилась позже. Можетъ быть никто изъ насъ не выучилъ молитвы Господней „Отче нашъ“ по катихизису. Читатели ваши, знающіе наизусть молитвы, читаемыя при общественномъ богослуженіи въ церквахъ, удержали ихъ въ памяти потому, что внимательно слушали ихъ, а не потому, что учили ихъ по служебнику.—Не рѣдко можно встрѣтить престарѣлыхъ людей, которые, не умѣвши никогда сами читать, перечитываютъ съ удивительною увѣренностію и бѣглостію многія молитвы и псалмы, оставшіеся у нихъ съ дѣтства въ памяти; но во всѣхъ этихъ случаяхъ и для облегченія памяти необходимо, чтобы было возбуждено вниманіе. Сердце и совѣсть служатъ драгоценными помощниками, и производятъ магическія дѣйствія; поэтому-то никакія впечатлѣнія не глубже тѣхъ, которыя относятся до религіи. Смотри

¹⁾ Dezobry. Rome au siecle Auguste, Paris, 1816. III p. 405—409.

²⁾ B. St. Hilaire, въ упомянут. соч. p. 32.



по слушателямъ, по ихъ потребностямъ, по ихъ возбужденности и способностямъ малѣйшія подробности хорошо рассказаннаго событія отражаются неизгладимыми чертами, и недлинные рѣчи впечатлѣваются въ памяти слово въ слово, выраженіе въ выраженіе. Равнодушіе охлаждаетъ, парализуетъ и убиваетъ, тогда какъ радость, восторженность, надежда, любовь воодушевляютъ, оживляютъ и впечатлѣваютъ событія и образы.

III.

Вѣрность преданія зависитъ отъ времени, отъ мѣста и отъ образованности извѣстнаго народа. Время, къ которому относится изслѣдованіе нашего предмета есть вѣкъ императора Августа и его преемниковъ. Человѣчество рѣдко переживало вѣкъ просвѣщенія, который могъ бы съ нимъ равняться. Непредвзятые историки, одинъ предъ другимъ, согласно описываютъ намъ это время, т. е. царствованія Августа и Тиверія съ одной стороны, и во 2 вѣкъ царствованія Траяна, Адриана, Антонина благочестиваго и Марка Аврелія, какъ благословенныя времена мира и относительнаго благоденствія. Правда, съ одного конца до другаго въ огромной римской имперіи одна воля повелѣвала безчисленными народностями; но при императорахъ покровителяхъ просвѣщенія или философахъ суровость правленія смягчалась уважаемою совѣстливостію и мудрыми правилами властителей. Подвластныхъ не грабили, областей не облагали поборами; напротивъ того, уважали ихъ обычаи, принимали ихъ боговъ, старались щадить ихъ народную гордость, назначая въ покоренныя области царей или тетрарховъ (четверовластниковъ) по ихъ выбору. Сословію жрецовъ оставляли знатную часть ихъ преимуществъ и управленія. Это было время, въ которое римское право полагало разумныя основанія общественному строю. Во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія обнаруживалось сильное желаніе изученія, успѣха. Размножались училища всѣхъ

родовъ. Въ азійскихъ провинціяхъ, Тарсъ въ Киликіи, между другими, славился какъ городъ, имѣвшій множество учебныхъ заведеній и наибольшее число учащихся; ему, вѣроятно, не уступала въ Сиріи Антиохія, которую Цицеронъ называлъ городомъ, обилувавшимъ мужами высшаго образованія и отличавшимся преподаваніемъ свободныхъ наукъ, а также и городъ Смирна, упоминаемый по крайней мѣрѣ съ этимъ именемъ во 2 вѣкѣ по Р. Хр.—Но городами, превосходившими въ этомъ отношеніи всѣ остальные, были: Римъ, Аѳины, Александрія, въ школы которыхъ, со всего свѣта, стекались молодые люди, жаждавшіе образованія¹⁾. Въ то время науки встрѣчали живое соревнованіе; онѣ пользовались уваженіемъ въ высшихъ кругахъ общества. Августъ стяжалъ имя покровителя художествъ и поэзіи. Адрианъ и Маркъ Аврелій, увѣнчанные императорскою короною, искали утѣшенія въ философіи.

Литературное движеніе того времени превосходитъ все то, что мы вообразить можемъ. Великія имена историковъ Светонія, Тацита, Плінія, Плутарха, Діона Кассія служатъ только для того, чтобы напомнить намъ лучшихъ писателей того времени, занимавшихся историческими изслѣдованіями. Лукіанъ страсть грековъ писать исторію сравниваетъ съ повальною болѣзнію абдеритянъ, очень походившею на безуміе. Въ Греціи, болѣе трехъ сотъ историковъ составили описаніе мараѳонской бытвы²⁾. Плавтъ въ одномъ мѣстѣ говорить, что писатели понимали дѣло не слегка; они не считали себя достаточно свѣдущими, чтобы писать исторію, если они сами не путешествовали въ тѣхъ странахъ, о которыхъ они намѣревались говорить. Поливій, Саллюстій, Діодоръ Сицилійскій, подобно какъ въ наше время Тьерри, Прескотты, Тьеры, Мотлеи, Кирки, Ранке посѣтили мѣста,

¹⁾ L. *Friedländer*, *Moeurs romaines au temps d'Auguste*, Paris, 1867, II. pag. 378—379.

²⁾ Legendre, въ упомянут. соч. IV, p. 617.

ознаменованныя великими событіями¹⁾. Варронъ написалъ сочиненіе, содержащее жизнеописанія семи сотъ знаменитыхъ мужей²⁾. Событія дня вызывали множество статей, брошюръ, случайныхъ стихотвореній³⁾; они появлялись тысячами экземпляровъ и расходились по всей имперіи. Распространеніе книгъ почти равнялось существующему при книгопечатаніи въ наше время⁴⁾. Въ царствованіе Августа продажа книгъ производилась подъ его покровительствомъ, и онѣ разсылались въ подвластныя ему земли. Книги продавались не дорого. Сочиненіе Марціала въ 14 печатныхъ страницъ стоило не болѣе 30 коп., хотя и самъ авторъ находилъ, что это было дорого⁵⁾. Копіи съ книгъ снимались невольниками, съ сокращеніями⁶⁾. Часто они списывали поспѣшно и небрежно⁷⁾. Цѣна книгъ зависела также отъ качества матеріала, на которомъ списывалась копія; обыкновенно въ употребленіи былъ папирусъ. Письмо на пергаментѣ было дороже; въ такомъ случаѣ писали на обѣихъ сторонахъ, а иногда на выскобленномъ текстѣ⁸⁾. Часто роскошныя на пергаментѣ изданія были украшаемы портретами авторовъ; врачъ Галліенъ бѣлизнѣ пергамента приписываетъ глазныя болѣзни, отъ которыхъ страдали его кліенты⁹⁾.

¹⁾ Тамъ же, IV стр. 624, 625.

²⁾ Friedländer. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine. III Theil, Leipzig. 1871, pag. 151.

³⁾ Тамъ же, pag. 346.

⁴⁾ Guhl und Koner. Das Leben der Griechen und Roemer, II-te Auflage, Berlin, 1864, pag. 652.

⁵⁾ Friedländer, въ упомянут. соч., III Theil, pag. 315.

⁶⁾ Guhl und Koner, въ упомянут. соч., pag. 651.

⁷⁾ Real Encyclopaedie der classischen Alterthumwissenschaft, статья Libri. p. 1041.

⁸⁾ Сравните жалобы Страбона, упоминаемыя въ Long, Decline of the Roman Republic. London, 1872, VI. p. 269.

⁹⁾ Friedländer въ упомянут. соч. III. p. 151.

На востокъ главными пунктами для продажи книгъ были Александрія и Пергамъ¹⁾. На западѣ все стекалось въ Римъ²⁾, однакоже Коринѣъ былъ богатъ книгами, выставлявшимися напоказъ на улицахъ, и подѣ портиками³⁾. Плиній младшій, въ одномъ изъ своихъ писемъ, выражаетъ удивленіе свое и радость, узнавъ, что въ Ліонѣ, есть книгопродавцы, и что тамъ продаются книги⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ общественныя библіотеки существовали уже съ давняго времени. Такимъ образомъ Карфагенъ имѣлъ очень богатую библіотеку; послѣ разоренія его, книги изъ нея были распредѣлены между разными африканскими владѣтелями, римскими союзниками⁵⁾. Овладевъ Аѳинами, Сулла приказалъ перевезти въ Римъ библіотеку Апелликона⁶⁾; однакожъ книжная торговля развилась только тогда, когда въ большихъ городахъ Римской имперіи составились значительныя библіотеки. Въ Римѣ первую общественную библіотеку завелъ Азиніусъ Полліо; потомъ явились библіотеки Палатинская, основанная Августомъ, Тиверіева, Всепасіанова, Домиціанова и знаменитая, обязанная щедротамъ императора Траяна своимъ существованіемъ, Ульпіанская библіотека. Въ самомъ Римѣ число ихъ восходило до 28-ми, не говоря о частныхъ библіотекахъ⁷⁾, каковы: библіотека Эпафродита грамматика, въ которой считалось тридцать двѣ тысячи томовъ, и позже библіотека наставника молодого Гордіана Саммоніуса

¹⁾ Real Encyclop. статья Libri, стр. 1039.

²⁾ Real Encycl. статья Libri, стр. 1040.

³⁾ Friedländer въ упом. соч. II. p. 408.

⁴⁾ „Bibliopolas Lugduni esse non putabam, ac tanto lubentius ex litteris tuis cognovi, venditari libellos“. Ep. IX, 11.

⁵⁾ Lenormant. Manuel d'histoire ancienne de l'Orient. Paris. 1869. pag. 226.

⁶⁾ Long, въ вышеупом. соч. стр. 269.

⁷⁾ Real Encycl. статья Libri, p. 1039.—Friedländer, III. p. 316.

Севера, состоявшая изъ шестидесяти двухъ тысячъ томовъ ¹⁾. Эти учрежденія представляли любителямъ всѣ удобства, всѣ пріятности знаменитѣйшихъ новѣйшихъ библіотекъ; онѣ украшены были разными бюстами и портретами, и читатели проводили въ нихъ время самымъ пріятнымъ образомъ. Что касается до частныхъ, то надобно читать особенное описаніе съ какимъ наслажденіемъ ученые и философы проводили свое время въ александрійскомъ музеумѣ; это великолѣпное учрежденіе, сверхъ другихъ помѣщеній, заключало двѣ библіотеки, число томовъ въ которыхъ входило до семи сотъ тысячъ ²⁾.

Посему книги, документы, разные письменные источники находились всегда въ распоряженіи историковъ Августова вѣка и слѣдующаго; кромѣ того, они могли добывать нужныя для нихъ свѣдѣнія въ архивахъ городовъ и корпорацій. Мы упоминали уже выше о той тщательной заботливости, съ которою древніе города Греціи и Рима сохраняли свои лѣтописи. Въ Вавилонѣ и Мидіи, подъ названіемъ библіотекъ, существовали архивы, въ которыхъ сохранялись постановленія или указы древнихъ царей ³⁾. Въ разныхъ финикійскихъ городахъ равномѣрно находились богатые архивы и вѣрные, заботливо сохраняемые, лѣтописи съ древнѣйшихъ временъ ⁴⁾, въ Халдеѣ тоже ⁵⁾, а Египетъ не перестаетъ доставлять разнаго рода доказательства и даже самый папирусъ, свидѣтельствующій о томъ тщаніи, которое прилагалось нѣкогда при изданіи египетскихъ

¹⁾ Guhl und Koner, въ вышеупом. соч. стр. 655.

²⁾ J.—W. Draper. History of the intellectual development of Europe. London. 1864 I. pag. 182—183.

³⁾ Joseph. Histoire de la guerre des juifs, II. chap. 31.

⁴⁾ Lenormant, въ упомянут. соч. III, pag. 124.

⁵⁾ Tertulien. Apolog. chap. 19.

лѣтописей¹⁾). Знаменитый Синезіусъ (Sinesius), епископъ Птолемаидскій въ Ливіи, говоритъ, что родословная его отъ отца къ сыну до его отца, и даже до него самого, записана въ общественныхъ регистрахъ города Кириanei, восходя за тысячу сто лѣтъ до Р. Хр.²⁾). Когда спустя около ста лѣтъ послѣ Р. Хр. путешественникъ Павзаній, во время Адріана, проѣзжалъ Грецію, то жрецы каждаго города рассказывали ему старинныя мѣстныя исторіи, которыя они почерпнули изъ своихъ лѣтописей³⁾). Римская республика развила въ высокой степени вкусъ, свойственный духу латинскому, къ точности, къ мелочнымъ обозначеніямъ, къ статистическимъ даннымъ, къ административнымъ отчетамъ. Устанавливаемые законы вырѣзывались на бронзовыхъ доскахъ. Въ самомъ Римѣ обозначали названіе племени, которое прежде другихъ подавало голосъ въ народныхъ собраніяхъ и имя члена племени, который первый подавалъ въ нихъ голосъ⁴⁾). Правители или губернаторы областей, назначавшіеся на одинъ годъ, по возвращеніи своемъ представляли отчеты, одинъ экземпляръ которыхъ передавался въ римское казначейство, а два другіе экземпляра отдавали на храненіе въ управленія областей⁵⁾). Когда въ 62 или въ 63 году до Р. Хр. посуда и драгоценности Митридатовы найдены были въ Талаурѣ (Talaure), то имъ

¹⁾ Продотъ сообщаетъ множество свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ оивскихъ, мемфисскихъ и илипольскихъ жрецовъ, которыя всѣ нашеть онъ совершенно сходными. Его „Histoire“ въ переводѣ Larcher—а. Paris. 1870. Книга II. гл. С—СII, CXLIII.—Les antiquités Egyptiennes. Toulouse. 1867. pag. 134—137.—Matthey. Explorations modernes en Egypte. Paris, 1869. p. 7—12.

²⁾ Nouveau traité de Diplomatie par deux relig. bénédict.—Paris. 1750. I. pag. 90.

³⁾ Fustel de Coulanges. въ упомянут. соч. p. 216.

⁴⁾ Long, въ упомянут. соч. I. p. 355, 356.

⁵⁾ Тамъ же, II. pag. 171.



составлена была точная опись ¹⁾). Мимоходомъ скажемъ, что Митридатъ, этотъ царь Понта въ Малой Азіи, оставилъ послѣ себя также рукописи на греческомъ языкѣ, переведенныя потомъ на латинскій языкъ отпущенникомъ Помпеевымъ Леннеемъ (Lepnaeus) ²⁾). На другомъ концѣ римскихъ владѣній, Кесарь около того же времени, въ лагерѣ Гельветовъ нашелъ свитки на греческомъ языкѣ, въ которыхъ записано было количество людей способныхъ къ военной службѣ съ отдѣльными списками о числѣ дѣтей, женщинъ и стариковъ ³⁾; слѣдовательно собраніе статистическихъ свѣдѣній было въ обычаѣ и внѣ предѣловъ римскихъ владѣній, а языкъ греческій простиралъ свое вліяніе отъ предѣловъ Азіи до предѣловъ Германіи. Подъ управленіемъ императоровъ централизація все возрастала; сѣтъ римскаго управленія становилась все уже. Въ провинціяхъ, сверхъ актовъ городскихъ думъ, сохранялись акты проконсуловъ (*gesta proconsularia*), акты губернаторовъ (*gesta praefectoria*), акты судебныхъ (*gesta praesidialia*), акты судей (*gesta iudicum*, *acta judicialia*, *δικομύματα*), гражданскіе акты (*acta civilia* ⁴⁾). Планы всѣхъ имѣній, кадастры хранились въ императорскомъ *Sanctuario tabulario*, а копіи съ нихъ были оставляемы въ архивахъ того города или того округа, гдѣ находились помѣстья ⁵⁾. Постоянно производились переписи то генеральныя, то частныя съ тою ли цѣлію, чтобы знать количество народонаселенія, или чтобы по-

¹⁾ Тамъ же, pag. 193.

²⁾ Тамъ же, p. 194.

³⁾ Тамъ же, IV, p. 19.

⁴⁾ *Nouveau traité de Diplomatie*, I, pag. 423.

⁵⁾ Long, I. pag. 145.—Мы видимъ (въ *Annales*, lib. IV) у Тацита, что въ царствованіе Тиверія въ Пелопонесѣ сохранялись еще подлинники договора о раздѣлѣ этой страны между потомками Геркулеса, когда они овладѣли ею спустя около ста лѣтъ послѣ троянской войны. Этотъ договоръ имѣлъ никакъ не менѣе тысячи лѣтъ давности... *N. traité de Diplomatie*, p. 89.



повѣрять распредѣленіе податей¹⁾. Древніе знали также употребленіе officialнаго журнала; римскіе *acta diurna*, какъ наши общественныя вѣдомости, сообщали заграничныя извѣстія, и отмѣчали разныя происшествія, которыми интересовались многочисленные ихъ читатели²⁾. Во время республики Марій воздвигъ храмъ чести и храбрости для прославленія побѣды своей надъ Кимврами³⁾. Цицеронъ разными униженіями добивается назначенія ему триумфа за то, что онъ усмирить какое-то незначительное племя въ горахъ киликійскихъ⁴⁾. А сколько, когда это стоило того, выбито медалей, воздвигнуто триумфальныхъ аркъ, высѣчено на мраморѣ, вырѣзано на бронзѣ или на свинцѣ надписей для воспоминанія о прошедшемъ. — По сказанію Авла Геллія пожаръ, случившійся въ царствованіе Веспасіана, истребилъ три тысячи бронзовыхъ досокъ, хранившихся въ Капитоліи; на нихъ начертаны были законы, мирные договоры и другіе достойнѣйшіе уваженія историческіе памятники имперіи. Бронза издерживалась даже на такіе акты, которые касались главныхъ и уѣздныхъ городовъ. Товарищества, цеховыя общества и частныя люди сооружали иногда доски или колонны изъ мрамора или изъ мѣди, чтобы увѣковѣчить память объ ихъ уставахъ, привилегіяхъ, или пріобрѣтеніяхъ⁵⁾. Малѣйшія подробности начертывались на камняхъ: въ Сепъ-Прэ (*Saine Prex*), найдена надпись удостовѣряющая, что разведеніе винограда извѣстно было въ этой странѣ во

1) A. W. Zumpt, *das Geburtsjahr Christi*. Leipzig, 1869. p. 97—132 и 147—188.

2) G. Boissier. *Cicéron & ses amis*. 2. édition Paris, 1870, p. 2—3. Comp. Hofstede de Groot. *Basilides als ersten Zeûge*, Leipzig, 1868, page 49. note 3.

3) Long. въ упомянут. соч. IV, p. 74.

4) Тамъ же IV, 409.

5) *Nouv. traité de Diplom.* T. I, pag. 451—452.



время императоров¹⁾. Изъ столицы, за плату, корреспонденты разсылали въ провинціи вѣсти о томъ, что въ ней происходило.

Въ Римѣ храмы Аполлона и Весты были назначены для храненія архивовъ. Храмъ Сатурна былъ общественнымъ складомъ государственныхъ доходовъ и грамотъ. Въ Капитоліи сохранялись казна эдиловъ и бронзовыя доски, на которыхъ были начертаны мирные договоры. Храмъ свободы или, по мнѣнію другихъ, храмъ ничѣ имѣлъ тоже назначеніе. Храмъ Юпона, по словамъ Тита Ливія, служилъ библіотекою для книгъ изъ полотна, въ которыхъ велись лѣтописи первосвященниковъ, исторія республики, и имена должностныхъ лицъ каждаго года. Различныя присутственныя мѣста и палаты, завѣдывавшія управленіемъ дѣлъ республики и имперіи, каждое учрежденіе имѣло свой отдѣльный архивъ. Римскіе императоры имѣли также хранилища хартиі, находившіяся при ихъ особахъ, и болѣе извѣстныя подъ названіемъ дворцовыхъ и священныхъ архивовъ. Такихъ архивовъ было четыре; они различались между собою сколько по свойству дѣлъ, столько же и по лицамъ завѣдывавшимъ ими²⁾.

Впечатлѣніе, производимое разсказами того времени о путешествіяхъ, никакъ не позволяетъ думать, что путешествія сухимъ путемъ, въ первые вѣка христіанства, были болѣе рѣдки, нежели въ XIX столѣтіи до введенія желѣзныхъ дорогъ³⁾. Въ теченіе шести дней можно было проѣхать тысячу сто километровъ (около 1,100 верстъ) разстоянія между Антиохіею и Константинополемъ⁴⁾. Юлій Кесарь въ 27 дней проѣхалъ сухимъ путемъ чрезъ римскія владѣ-

¹⁾ Friedlaender въ упомянут. соч. III p. 42.

²⁾ Nouv. traité de Diplom. I p. 91.

³⁾ Friedländer, въ упомянут. соч. II. p. 334.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 341.

нія въ Андалузію на самый югъ Испаніи ¹⁾. Другой римлянинъ въ 7 дней прѣѣхалъ въ Ключію, находившуюся тоже въ Испаніи; это было въ іюнѣ 68 года, т. е., спустя 4—5 лѣтъ послѣ того, какъ св. апостолъ Павелъ предполагалъ посѣтить Испанію ²⁾. Путешествія по морю ограничивались почти исключительно весеннимъ и лѣтнимъ временемъ, и первую половину осени Мореплаваніе, прерывавшееся съ 11-го ноября по 5 марта, возобновлялось въ мартѣ ³⁾. По словамъ Плинія старшаго изъ Остіи прибывали въ Гадесъ (Кадиксъ) въ 7 дней, въ форумъ Fulii (Frejus) въ 3 дня, а въ Африку въ два дня ⁴⁾. Побужденія къ этимъ передвиженіямъ были многочисленныѣ и разнообразныѣ во время римлянъ, нежели въ наше время. Во время Цицерона и республики евреи и сиріане уже наполняли Римъ ⁵⁾. Повсюду въ провинціяхъ, въ прибрежныхъ городахъ Средиземнаго моря встрѣчались еврейскія колоніи, болѣе многочисленные въ Александріи, въ Киринеѣ, въ Коринѣ, въ Фессалоникахъ, въ Филиппахъ, въ Милетѣ, въ Ефесѣ, въ Смирнѣ и проч. и пр. ⁶⁾. Въ книгѣ Дѣяній св. Апостоловъ упоминается, что евреи поселялись вездѣ, составляя отдѣльную національность, имѣя извѣстное вліяніе и возбуждая противъ себя власти безпокойнымъ своимъ нравомъ. Въ день первой христіанской пятидесятницы, на главной площади въ Іерусалимѣ, Апостоловъ обступило множество евреевъ, прибывшихъ изъ колоній, Парѣяне и Мидяне, Еламиты, Аравитяне, Киринее, Месопотамляне, Критяне, Египтяне, Е-

¹⁾ Тамъ же, стр. 342.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Friedlander, въ упомян. соч. II. стр. 344.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 350.

⁵⁾ Long. въ упомян. соч. II. pag. 58—59.

⁶⁾ Friedlander, въ упомян. соч. II. pag. 369.

реи изъ Фригіи, Понта и Рима ¹⁾. Однакожь Евреи были не единственными купцами этого времени. Одинъ купецъ изъ Гіераполиса во Фригіи Флавій Зевксисъ, въ случайно сохранившейся надписи, хвастается тѣмъ, что онъ семдесятъ два раза ѣздилъ въ Италію ²⁾. Другая надпись, найденная въ Тунѣ (Thun), свидѣтельствуеть, что одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Малой Азій, работалъ на домъ римской колоніи въ Швейцаріи. Греческіе живописцы и ваятели проживали въ городахъ Галліи ³⁾. Ліонъ, какъ видно изъ надписи найденной въ одной гостинницѣ (hôtel), былъ часто посѣщаемъ коммерческими путешественниками ⁴⁾. Военская служба заставляла также солдатъ и офицеровъ переселяться съ семействами на разные пункты имперіи. Галлы и германцы были тѣлохранителями Ирода въ Іерусалимѣ ⁵⁾. Сотникъ Корнилій проживалъ съ семействомъ своимъ въ Кесаріи ⁶⁾. Легіонъ, называвшійся италіянскимъ, въ которомъ онъ служилъ, принадлежалъ къ гарнизону іудейскому. Когда Апостолъ Павелъ, послѣ двухъ-годоваго заключенія въ тюрьмѣ, былъ препровожденъ на судъ къ Кесарію; то сотникъ Юлій, служившій въ легіонѣ, носившемъ названіе Августава легіона, долженъ былъ сопровождать знаменитаго узника въ Римъ ⁷⁾. Пользованіе минеральными ваннами не въ меньшемъ было обыкновеніи въ древности, какъ и въ наше время. Швейцарскій Баденъ, уже во второй половинѣ 1-го столѣтія по Р., Хр., былъ часто посѣщаемъ ⁸⁾. Лица, страдавшія грудными болѣзнями,

1) Дѣянія св. Апост. II. 9—11.

2) Friedländer. въ упом. соч. II. p. 370.

3) Тамъ же, стр. 368.

4) Тамъ же, стр. 360.

5) Тамъ же, стр. 369.

6) Дѣянія св. Апостоловъ, X. 1.

7) Тамъ же, XXVII, 1.

8) Friedländer въ упомянут. соч. II. стр. 383.



искали мѣстѣ въ теплѣйшихъ климатахъ для проживанія зимою ¹⁾, если только имъ не совѣтовали отдавать предпочтенія хвойнымъ лѣсамъ, или леченіе молокомъ въ лѣтную пору на горахъ. Наконецъ классическія страны Греціи, Малой Азіи, Италіи и Палестины привлекали къ себѣ очень многихъ посѣтителей. „Городъ Аѣины, говоритъ Аттікъ, радуется меня воспоминаніемъ о его великихъ мужахъ, приводя мнѣ на память мѣсто, гдѣ они жили, гдѣ имѣли обыкновеніе сидѣть, или, разговаривая, прогуливаться, равно какъ могилы ихъ, видъ которыхъ равно интересуетъ меня ²⁾“. Языкъ греческій, послѣ завоеваній Александра Македонскаго, ставшій господствующимъ языкомъ на Востокъ, утвердился и на Западѣ, и въ предопредѣленіяхъ Промысла, казалось, назначенъ былъ для того, чтобы провести свѣтъ истины христіанской до предѣловъ огромной имперіи Римской. На греческомъ языкѣ составлялись официальные акты въ Малой Азіи; на греческомъ языкѣ продолжали производиться коммерческія сдѣлки и политическіе трактаты со всѣми восточными странами совокупленіемъ Индіи и Китая ³⁾. По сему позволительно утверждать, что, если, въ минувшемъ бытѣ человѣчества, когда либо существовала собственно историческая эпоха, то это та самая, въ сердцѣ которой ставитъ насъ избранный нами предметъ.

IV.

Скудость памятниковъ, которымъ мы располагаемъ, находящихся въ настоящее время, составляетъ жалкій контрастъ съ обиліемъ ихъ въ первые два вѣка по Р. Хр.—Сожалѣютъ о сихъ счастливыхъ временахъ, завидуютъ современникамъ столь многихъ классическихъ и первыхъ христіанскихъ писателей; но страсти людскія, ихъ рвеніе къ ис-

¹⁾ Тамъ же стр. 382—383.

²⁾ Тамъ же, стр. 462, 467, 471—472.

³⁾ Тамъ же, II. стр. 371.

требленію, не щадятъ памятниковъ мысли человѣческой. Десять первыхъ гоненій римскихъ императоровъ на христіанъ не разъ были направлены противъ литературы ихъ, а не только противъ ихъ лицъ. Назначены были чиновники, которымъ поручалось отбирать у христіанъ ихъ священныя книги ¹⁾. Потомъ появились полчища варварскихъ народовъ Готовъ, Гунновъ, Вандаловъ, Парянянъ, Арабовъ съ ихъ Алариками, ихъ Аттилами, ихъ Омарами--все они ринулись на населеннѣйшія и на самыя цвѣтущія области имперіи Римской, предавая все огню и мечу. Книгохранилища погибли въ пламени, церкви и монастыри были разрушены и разграблены; торговые города опустошены; гавани ихъ обмелѣли, храмы пали въ развалинахъ, и арены заросли травой. Господство меча заступило мѣсто господства наукъ, и мракъ среднихъ вѣковъ не замедлилъ накинуть на прекраснѣйшія страны Европы и Азии свой траурный покровъ. Въ свою очередь невѣжество пришло на помощь грубой силѣ. Не знали больше ничего, не учились больше ничему, не читали больше ничего, не интересовались ничѣмъ, не подозрѣвали важности рѣдкихъ памятниковъ, избѣгнувшихъ дѣйствія огня. Не теперь ли, еще только въ маѣ 1844 года, Tischendorfъ имѣлъ неожиданное счастье въ монастырѣ, на Синайской горѣ, спасти отъ сожженія корзину съ рукописями, въ числѣ которыхъ находилась рукопись Новаго Завѣта? За нѣсколько дней предъ тѣмъ бросили въ огонь двѣ корзины съ изданными временемъ бумагами, и въ глазахъ невѣжественныхъ монаховъ не имѣвшими никакой цѣны ²⁾. Свѣтская литература не меньше страдала отъ подобныхъ дѣйствій вандализма, какъ и священная. У насъ нѣтъ теперь записокъ

¹⁾ Eusebii Pamphili. Vita Constantini. Edit. Heinichen, Vol. II, lib. III. cap. I.

²⁾ Tischendorf. De la date de nos évangiles. Toulous. 1866, p. 19.



диктатора Суллы ¹⁾; сохранились только нѣкоторые отрывки пяти книгъ пространной исторіи Саллюстія, часть только сочиненій Юлія Кесарія, изъ сорока—только пятнадцать книгъ исторіи Діодора Сицилійскаго. Изъ пяти сотъ сочиненій Варрона не осталось почти ничего. Для насъ потеряны три четверти историческихъ сочиненій Тита Ливія, часть сочиненій Светонія и большая часть лѣтописей Тацита; отъ текста послѣднихъ остался только одинъ древній манускриптъ.—Половина исторіи Діона Кассія, жившаго спустя сто лѣтъ послѣ Тацита, потеряна. Евреи, кажется, съ исключительнымъ счастьемъ сохранили произведенія своей національной литературы, сколько то можно заключать по гораздо значительнѣйшимъ и болѣе полнымъ остаткамъ сочиненій философа Филона и историка Іосифа Флавія. Если мы наконецъ присоединимъ къ этому послѣдняго, страшнѣйшаго и неасытнѣйшаго изъ всѣхъ враговъ—время, то мы поймемъ, что нѣтъ ни одного историческаго преданія болѣе вѣрнаго и болѣе засвидѣльствованнаго въ нашемъ ХІХ вѣкѣ, какъ евангельское преданіе. Время отъ времени ученые изслѣдователи выкапываютъ въ библіотекахъ, и подъ стершимися текстами открываютъ отрывки потерянныхъ сочиненій, и каждое изъ этихъ открытій подтверждаетъ принимаемое преданіе, и даетъ какое нибудь новое доказательство въ защиту его. Philosophoumena Остійскаго епископа Ипполита, проливая болѣйшій свѣтъ на исторію ересей въ I-мъ и во II-мъ вѣкѣ, выставляютъ на свѣтъ достовѣрность и древность священныхъ памятниковъ ²⁾. Одинъ нѣмецкій ученый Дрессель (Dressel) отыскалъ греческій подлинникъ части бесѣдъ Климента (Homelies Clementines) христіанскаго сочиненія конца II-го вѣка и тѣмъ опровергъ нѣкоторыя смѣлыя гипотезы критической школы ³⁾.

¹⁾ Long, въ упомянут. соч. II, стр. 432.

²⁾ Hafstede de groot. Basilides, pag. 4—6.

³⁾ Clementi Romani Homilia. Edit. Dressel. Goettingen, 1853. Praefatio.

Тишендорфъ, съ своей стороны, дагъ намъ начало посланія Варнавы на греческомъ языкѣ, и этотъ драгоценный отрывокъ заключаетъ въ себѣ древнѣйшее свидѣтельство существованія нашихъ четырехъ евангелій ¹⁾. Найденная недавно надпись, относящаяся до четверовластника Авилинея Лисанія, позволила разъяснить одно темное мѣсто евангельской исторіи ²⁾. Кто можетъ отвѣчать что хранить для насъ будущее? Если бы мы, на примѣръ, имѣли въ своихъ рукахъ твореніе Папія, находившееся еще въ 1218 году въ собраніи Нимскихъ (de Nimes) рукописей, то, вѣроятно, мы поставили бы замолчать другія нападки критики ³⁾.

Не станемъ требовать отъ исторіи больше того, что она можетъ намъ дать. Обстоятельства, чрезъ которыя перешло къ намъ евангельское преданіе, ни исключительны, ни сгнанны. Можно быть увѣреннымъ, что чрезъ тысячу шесть сотъ лѣтъ, въ 3,473 году, потомки наши будутъ крайне затруднены объясненіемъ факта, подобнаго акту отмѣненія нантскаго эдикта, совершившемуся во Франціи въ 1685 году. Парижское городовое управленіе не обязано ли возстановить теперь свои метрическія записи съ 1535 по 1862 годъ? Увѣрены ли мы, что новыя вторженія варваровъ извнѣ или изнутри, что новыя полчища Готовъ, Гунновъ и Вандаловъ не предадутъ огню европейскія библіотеки и не разрушатъ памятниковъ Европы? Впрочемъ, если бы даже рука человѣка не вмѣшивалась въ это, что станетъ чрезъ тысячу шесть сотъ лѣтъ съ этими книгами, напечатанными большею частію на дурной бумагѣ, и слѣпыми чернилами?—А рукописи наши? переживутъ ли поврежденіе отъ времени? Можно ли представить себѣ громаду документовъ,

¹⁾ Patrum Apostolicorum opera. Edit. Dressel, 1863. pag. LXVI.—Сравн. Tischendorf. De la date de nos évangiles.

²⁾ Wieseler. Beiträge zur richtigen Würdigung des Evangelien. Gotha. 1869, pag. 191, 196—204.

³⁾ Herzog. Real-Encyclopædie, XI, pag. 86, статья Papias.

имѣющихъ накопиться съ вѣками, количество которыхъ сдѣлаетъ почти необходимымъ внимательство какого нибудь новаго Омара?—Возьмемъ въ примѣръ Общество чтенія (Société de lecture) въ Женевѣ, накопившее въ теченіе пятидесятилѣтняго своего существованія 60,000 томовъ книгъ. Черезъ 1,600 лѣтъ оно можетъ собрать тридцать два раза 60,000 томовъ т. е. 1,920,000 томовъ, для помѣщенія которыхъ вмѣсто одного, потребовалось бы 16 домовъ.—Какъ бы то ни было, а нельзя не придти къ мысли, что Готы и Вандалы будущаго времени могутъ оказать услугу человечеству ¹⁾. Самые языки нѣмецкій, англійскій, французскій стануть конечно мертвыми,—менѣе извѣстными, и менѣе употребляемыми, нежели греческій и латинскій—эти языки Новаго Завета и церкви, которые, значительною частію безсмертія своего, обязаны тому славному употребленію, для котораго они послужили. Съ трудомъ только можетъ быть будутъ разбирать наши книги и наши рукописи; шрифтъ можетъ измѣняться, можетъ быть и книгъ не будутъ болѣе печатать, а будутъ издавать ихъ въ свѣтъ посредствомъ какого нибудь фотографическаго процесса, и этотъ новый процессъ не приведетъ ли къ изобрѣтенію какой нибудь особенной азбуки?.. Но эти затрудненія, которыя могутъ остановить, привести въ отчаяніе нашихъ потомковъ, насъ не останавливаютъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы рассказать событія 1685 года. Мы отдалены отъ нихъ только на 193 года, у насъ въ рукахъ богатые средства, множество статей, воспоминаній, преданій, и мы владѣемъ полною возможностью съ совершенною точностію написать исторію этого злополучнаго года. Потомки наши 3473 года были бы слишкомъ взыскательны, еслибы за недостаткомъ источниковъ, не приняли писанныхъ

¹⁾ Эти соображенія искусно развилъ одинъ остроумный англійскій писатель Н. Роджерсъ въ *Eclipse of the Faith*, 8-th Edition. London, 1857, pag. 294.—Сравни о томъ же самомъ предметѣ Maitland. *Dark. Ages*, упоминаемые въ *History of ancien manuscripts* W. Forsyth, London, 1872. стр. 41.



свидѣтельствъ, которыя мы оставляемъ имъ въ наслѣдство.... Между тѣмъ относительно источниковъ о жизни Іисуса Христа и Его церкви, которые рассказали бы происхожденіе христіанства отъ 50 года до 200 года нашего лѣтосчисленія, мы находимся въ совершенно одинаковомъ положеніи съ положеніемъ нашихъ потомковъ 3473 года касательно источниковъ отмѣненія Нантскаго эдикта и убѣжища (Refuge). На семнадцати-вѣковомъ отдаленіи отъ событій, у насъ нѣтъ такъ же всѣхъ достовѣрныхъ бумагъ, ни всѣхъ первобытныхъ документовъ; у насъ нѣтъ полныхъ лѣтописей первобытныхъ церквей, но мы имѣемъ многочисленныя и неоспоримыя свидѣтельства современниковъ Іисуса Христа и преемниковъ учениковъ Его—Апостоловъ. Эти условія не удовлетворительны ли, не удовлетворительнѣйшія ли тѣхъ, о которыхъ мы въ настоящихъ обстоятельствахъ смѣли бы думать?... Или мы готовы отвергнуть все прошедшее и объявить, что исторія есть дѣло невозможное?... Не думаю — Я достаточно уже говорилъ о томъ, что эпоха, которою мы намѣрены заняться не изъ тѣхъ, которая смущала бы или уничтожала проищательность историка. Каковы бы ни были встрѣчающіеся въ ней пробѣлы, и упорное молчаніе, которое она хранить на многіе наши вопросы и на наши изслѣдованія, эта эпоха заслуживаетъ наше довѣріе и возбуждаетъ наше вниманіе.

(Продолженіе будетъ).
